

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

22—24 мая 2014

Деловой круглый стол

**СНГ — СОВРЕМЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ВЫЗОВЫ УСТОЙЧИВОМУ
РАЗВИТИЮ**

23 мая 2014 — 09:45—11:00, Павильон 8, Конференц-зал 8.2

Инновационный зал

Санкт-Петербург, Россия

2014

Модератор:

Руслан Гринберг, Директор института экономики, РАН

Выступающие:

Раимбек Баталов, Председатель совета директоров, Raimbek Group

Тамара Гузенкова, Заместитель директора, Российский институт стратегических исследований

Тимоти Колтон, Заведующий кафедрой государственного управления, Гарвардский университет

Андрей Костин, Президент — председатель правления, член наблюдательного совета, ОАО «Банк ВТБ»

Сергей Лебедев, Председатель исполнительного комитета, исполнительный секретарь СНГ

Джоомарт Оторбаев, Премьер – министр Киргизской Республики

Владимир Семашко, Первый заместитель премьер-министра Республики Беларусь

Игорь Финогенов, Председатель правления, Евразийский банк развития

Франк Шауфф, Генеральный директор, АЕБ (Ассоциация европейского бизнеса)

Игорь Шувалов, Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации

Р. Гринберг:

Уважаемые дамы и господа, прошу рассаживаться, а участников круглого стола прошу на сцену. Мы начинаем.

У нас катастрофически мало времени: в 11 часов мы должны закончить наше заседание, и это большой вызов. Нам есть о чем поговорить в контексте темы, вынесенной в название нашей сессии.

Несмотря на разные пессимистические предположения, Содружество Независимых Государств существует. Очевидно, что это не просто структура для цивилизованного развода, а новая попытка, и пока удачная, консолидировать страны на постсоветском пространстве. Несмотря на украинскую драму, или даже трагедию, Содружество Независимых Государств является структурой, в которой существует зона свободной торговли, существуют очень важные культурно-исторические встречи и традиции. Мне кажется, что все это нужно ценить. Вызовы у нас очень серьезные, и мы будем сегодня об этом говорить.

Прежде всего я бы хотел предоставить слово Сергею Николаевичу Лебедеву, исполнительному секретарю Содружества Независимых Государств, председателю исполнительного комитета.

С самого начала я должен сказать очень неприятную вещь моим друзьям и партнерам, которые будут сегодня выступать: у вас не больше пяти минут.

Сергей Николаевич, я задам Вам один вопрос: каково влияние украинской драмы на состояние сотрудничества в рамках СНГ и каким Вы видите ближайшее будущее?

С. Лебедев:

Спасибо, Руслан Семенович.

Уважаемые коллеги, друзья!

Я искренне признателен организаторам за включение в повестку Форума столь актуального вопроса — об интеграционном взаимодействии стран СНГ.

Необходимость сохранения и укрепления интеграционного взаимодействия очевидна. В силу географической близости и исторического прошлого, страны Содружества, независимо от членства в СНГ, связывают миллионы нитей: экономических, транспортных, электроэнергетических, линий связи, не говоря уже о гуманитарном единстве наших государств и тысячах родственных связей. Поэтому разрыв этих нитей сегодня невозможен, а сохранение и их дальнейшее развитие представляется наиболее эффективным в рамках единого регионального сообщества, каким является СНГ.

Из своего опыта участия в интеграционном взаимодействии, могу сказать, что практики, хозяйственники стран Содружества отлично это понимают, поэтому на заседаниях экспертных или рабочих групп они говорят на одном языке и быстро находят общие решения. Торможение, как ни прискорбно это сознавать, происходит больше на политическом и субъективном уровне. Объективные условия подсказывают, что нужно сохранять и укреплять Содружество.

Организаторы Форума просили меня в пределах пяти минут рассказать об основных приоритетных направлениях экономического сотрудничества в СНГ. Важнейшей задачей является обеспечение функционирования режима свободной торговли между странами Содружества. Договор о зоне свободной торговли был подписан, сейчас его участниками являются девять государств. Хочу с удовлетворением сказать, что Договор начал работать. Ставки экспортных пошлин заморожены на существующем уровне, эксперты государств ведут переговоры по их поэтапной отмене, выполняются положения Договора в части неприменения запретов и количественных ограничений во взаимной торговле. Существенно также то,

что в развитие Договора экспертные группы ведут разработку целого ряда новых международных соглашений.

Второе важное направление — энергетика, где идет совместная работа по энергосбережению, повышению энергоэффективности, вовлечению в хозяйственный оборот возобновляемых источников энергии и так далее. Наш достаточно эффективный отраслевой Совет по энергетике недавно собирался в Баку. Разрабатывается концепция ядерно-радиационной безопасности государств СНГ и продолжается реализация Межгосударственной программы сотрудничества «Атом — СНГ».

В сфере транспорта проводится согласованная деятельность по развитию международных транспортных коридоров, осуществляется работа по унификации тарифов на межгосударственные перевозки, созданию согласованной системы тарификации транзитных перевозок дорожным транспортом, гармонизация регулирования в сфере автомобильных перевозок.

В сфере связи и информатизации осуществляется совместное формирование региональной инфраструктуры рынка услуг связи, информатизация и разработка современных систем связи, работа по обеспечению информационной безопасности. Продолжается реализация стратегии сотрудничества государств СНГ в построении и развитии информационного общества.

Аграрная сфера — одно из приоритетных направлений. Здесь осуществляется сотрудничество по повышению продовольственной безопасности, развитию инфраструктуры продовольственного рынка, созданию системы регулярных межбиржевых торгов и так далее.

Я остановился лишь на отдельных важнейших направлениях экономического сотрудничества. Перечисление всех точек приложения интеграционных усилий заняло бы много времени. Как непосредственный участник интеграционного взаимодействия, могу сказать, что не проходит и

недели, чтобы в той или иной столице стран СНГ не собирались бы эксперты, чиновники и специалисты для согласования конкретных мер по углублению сотрудничества. Я убедительно прошу вас регулярно заходить на сайт Исполнительного комитета СНГ или интернет-портал СНГ — нас легко найти, набрав «Исполком СНГ» или «Сайт Исполкома СНГ». Там вы увидите повседневный график нашей активной и напряженной работы.

Несмотря на известные всем нам проблемы, Содружество действует, развивается и совершенствуется. Я убежден, что Содружество имеет огромный интеграционный потенциал, и сегодня нет другого такого инструмента, который позволял бы одиннадцати государствам СНГ совместно решать общие проблемы.

Спасибо.

Р. Гринберг:

Я хотел бы поблагодарить Сергея Николаевича не только за емкий и краткий ответ, но и за следование нашему лимиту времени.

Теперь я хотел бы предоставить слово премьер-министру Киргизской Республики Джоомарту Каиповичу Оторбаеву и задать ему вопрос. Скоро Киргизия станет членом Таможенного союза и Евразийского союза. Здесь есть разные проблемы, одна из которых — очень открытая экономика Киргизии. Видите ли Вы здесь какие-то препятствия и как Вы собираетесь их устранять?

Д. Оторбаев:

Спасибо.

Уважаемый председатель, уважаемые участники!

Прежде всего, позвольте выразить благодарность от имени Правительства Кыргызской Республики за приглашение участвовать в Петербургском экономическом форуме. Это выдающийся форум, который превратился в

крупнейшую международную площадку для общения между политиками, экономистами, финансистами, бизнесменами. Совершенно очевидно, что мы должны участвовать в данном мероприятии, поскольку это не только уникальная возможность зарядиться знаниями и информацией, но и великолепная возможность для нетворкинга. В пространстве СНГ, которое мы обсуждаем на нашей секции, это неоценимая площадка, где все должны участвовать и получать очень много материалов.

СНГ сыграло выдающуюся роль в становлении экономик всех стран, которые в него входят. Мы видим прямые выгоды от нашего участия, в рамках работы СНГ достигаются значимые практические результаты. Я бы еще раз подчеркнул факт наличия зоны свободной торговли. Очень незаметно и тихо мы создали очень либеральное и очень эффективное взаимодействие на нашем пространстве. Эти элементы надо продвигать дальше.

Я не могу не остановиться на тенденциях более тесной интеграции. Площадка СНГ — это возможность лучше узнать схемы взаимодействия и возможность углубляться в более тесную интеграцию, поэтому мы приняли решение о процессе вступления в члены Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Я бы хотел подчеркнуть несколько элементов нашего шага, который мы начали реализовывать аналитически. В мире нет примеров неудачных интеграционных региональных объединений. Все примеры удачные. Есть ошибки, есть вызовы. Все ошибки и вызовы, которые были в различных других регионах мира, евразийская интеграция предполагает изучить и не допустить. Я помню выступление Игоря Ивановича Шувалова на прошлогоднем Форуме, где он очень четко обозначил принципы данного объединения с учетом международного опыта.

Наш шаг по вступлению в интеграционное объединение не может быть неуспешным. Если бы что-то не получилось, это сказалось бы на нас, а

также на перспективах интеграции. Элемент вступления в эту организацию страны с более низким подушевым потреблением тоже несет за собой определенные вызовы, и вместе со странами-учредителями Таможенного союза и Евразийской экономической комиссией мы сейчас очень четко обсуждаем те потенциальные риски и подводные камни, которые могут появиться в рамках данного шага. Мы полтора года работаем над формулированием и четким обозначением дорожной карты. Сейчас наше правительство согласилось с проектом, который мы полтора года отработывали со специалистами Евразийской экономической комиссии, с правительствами стран-учредителей Таможенного союза. Сейчас мы находимся на завершающей фазе шлифовки наших последних соглашений. Естественно, очень важны просчеты рисков, угроз — то, что председательствующий говорил об открытости экономики Кыргызстана. Мы делаем шаг в интеграционное объединение потому, что мы должны быть еще более открыты, но при этом принять правила игры и те нормы и законодательства, которые существуют в этих странах.

Уже сам факт реализации дорожной карты, гармонизации десятков и до сотни нормативно-правовых документов приведет к улучшению инвестиционного климата в нашей стране, потому что, идя на более отшлифованные нормы, мы создаем для себя лучшие прецеденты законодательного характера, и показываем инвесторам, что у нас реализуются более совершенные нормы.

Наше движение к вступлению в более тесное интеграционного объединение — это просчитанный экономический шаг, и мы думаем, что этот шаг приведет к существенному улучшению инвестиционного климата в нашей стране. Производитель, работающий на нашей территории, от доступа к пятимиллионному рынку одновременно получает доступ к стасемидесятимиллионному рынку потребителей с очень высокой покупательской способностью. Мы ожидаем создания рабочих мест,

создания предприятий, которые бы ориентировались на общий рынок Таможенного союза.

В заключение я хотел бы сказать, что открытость, прозрачность, конкуренция — очень важные элементы, которые мы получим в рамках нашего следующего интеграционного шага.

Спасибо.

Р. Гринберг:

Спасибо. Наши замечательные выступающие поразительно жестко выдерживают регламент.

У каждой интеграции есть не только экономическое измерение. Принято считать, что успехи Европейского Союза последних пятидесяти лет связаны не только с экономической консолидацией и интеграцией, но и с какой-то культурно-исторической миссией. Европа еще во времена Римской империи была хорошим общежитием народов. У нас семьдесят лет тоже была какая-то историческая миссия, но сейчас она вроде бы не просматривается, а образование, созданное на чисто экономической основе — это всегда рискованное предприятие.

Я хочу предоставить слово руководителю Центра исследований проблем стран Ближнего Зарубежья, заместителю директора Российского института стратегических исследований Тамаре Семеновне Гузенковой.

Т. Гузенкова:

Уважаемые коллеги, участники нашей сессии! Мне очень не хотелось бы, чтобы мы соревновались в краткости своих выступлений, но тоже постараюсь быть предельно краткой.

Руслан Семенович задал сложный философский вопрос, на который достаточно сложно ответить, но я должна сказать, что все мы сейчас испытываем очень сложный период, который, прежде всего, связан с

событиями на Украине. Как бы тяжело ни было это признавать, но наш Евразийский интеграционный проект переживает очень тяжелые испытания в психологическом, моральном и информационном отношении, а некоторые политические и геополитические силы сейчас пытаются претендовать на дискредитацию всего Евразийского проекта.

Я очень внимательно слушала сейчас выступления своих коллег и еще раз утвердилась во мнении, что у нас существует определенная информационная и даже институциональная асимметрия. Мои коллеги говорили о том, насколько по-деловому идет сейчас консолидация интеграционного проекта, как по-деловому, спокойно работают различные структуры и люди, которые этот проект реализуют, насколько он тихо и незаметно идет. Я должна сказать, что те, кто пытается его дискредитировать, действуют не тихо и незаметно, а, наоборот, очень громко и заметно. Чтобы узнать, каким образом сейчас действуют различные структуры по интеграционным проектам, нужно зайти на определенные сайты и ознакомиться с их содержанием, но, чтобы увидеть нынешний негативный образ России, не нужно заходить ни на какие сайты — эта негативная информация вливается в наши уши, и мы слышим ее, не выходя из дома.

Поэтому мне кажется, что информационная политика должна быть осмыслена и переосмыслена, если мы хотим, чтобы интеграционные процессы, которые идут сейчас на деловом уровне весьма успешно, были правильно поняты и восприняты самыми широкими кругами не только экспертов и политиков, но и тех людей, которые непосредственно в этом участвуют.

И кратко о том главном и ментальном вопросе, который сейчас задал Руслан Семенович: только экономика или не только экономика? Это очень сложный вопрос, ответ на который очень прост. Да — экономика, но не только, и, наверное, в ближайшем будущем не столько. Даже сейчас мы

сталкиваемся с очень серьезными проблемами, которые замыкаются не только на экономику. Здесь я хотела бы напомнить о том, что одним из очень серьезных вызовов (а может быть, и не вызовов, а преимуществ) является русский язык, который является способом общения на этом интеграционном евразийском пространстве.

Сейчас мы вплотную подходим к необходимости выработки совместных стандартов не только по перемещению товаров, рабочей силы и услуг, но и по получению адекватного образования, потому что совместные евразийские экономические проекты не могут быть осуществлены на основе различающихся образовательных стандартов. Поэтому мне кажутся недоработкой — и определенную долю вины в этом я возлагаю и на себя — наши попытки осуществлять эти проекты незаметно. На самом деле, они требуют не только очень серьезного осмысления, но и серьезной подачи, для того чтобы этот евразийский проект стал привлекательным, нужным и по-настоящему необходимым тем, ради кого он осуществляется.

Р. Гринберг:

Большое спасибо. Я понял Ваш намек на мое постоянное возвращение к проблеме нашего регламента. Я сам не люблю такую форму партхозактива, когда каждый должен доложить вопрос, сесть и передать слово другому. Хочется дискуссии, и я надеюсь, что она у нас еще будет, поскольку время мы соблюдаем правильно.

Я хотел бы предоставить слово Андрею Леонидовичу Костину, президенту — председателю правления ВТБ. Я знаю, что Вы можете ответить на любой вопрос, но меня волнует Ваше заявление насчет возможного отказа от американской валюты. Я понимаю, что мы сейчас находимся в такой фазе, когда надо думать о собственной денежной системе. Насколько реалистичен такой отказ, и каковы ближайшие перспективы? Возможно, я ошибаюсь, но лично мне эта идея кажется сомнительной.

А. Костин:

Спасибо, Руслан Семенович. Вы сказали, что я выступающий с большим стажем, а первая заповедь выступающего — отвечать не на поставленный вопрос, а на заготовленный заранее. Тем не менее, это достаточно проработанная тема со стороны нашей группы и нашего банка.

В пределах того времени, которое мне отведено, я хотел бы сказать следующее. Мы пока еще не оценили в достаточной степени, да и ситуация еще до конца не завершилась, те процессы, которые произошли и происходят в системе глобальных экономических взаимоотношений. Те санкции, которые уже применили Соединенные Штаты и Европа в отношении России и которыми они ежедневно угрожают нам с экрана, представляют собой грубейшие нарушения любых правил и кодов поведения экономических партнеров и экономических субъектов. Они глобально подрывают систему доверия всех тех взаимоотношений, которые мы выработывали на протяжении последних двух десятилетий, в течение которых Россия шла к глобальной экономике и глобальному миру. Мы еще не оценили ущерб в должной степени. Даже если допустить, что дальнейших серьезных санкций не будет, то, что уже сделано, наносит такой ущерб атмосфере сотрудничества и взаимоотношений между экономиками ведущих стран, что мы вряд ли сможем вернуться завтра в тот же мир, который имели полгода назад.

Мы по-новому смотрим на некоторые вещи, которых не замечали раньше. Мы спокойно выходили на открытый рынок, снимали ограничения по движению капитала и валюты, считая, что это естественный, закономерный процесс, позволяющий нам войти в глобальную экономику. Мы спокойно развивали систему международных расчетов на базе расчетных центров Visa и MasterCard, считая, что это наше движение вперед — к открытому рынку, открытому общению, открытой экономике. Мы считали это

данностями, которые в мире есть и будут, причем будут так, как они есть. И вдруг, буквально за несколько недель, мы обнаружили, что выстроенная система глобальных взаимоотношений, при условии доминанты одного государства в сфере валютно-финансовых расчетов и деятельности, позволяет использовать эти инструменты в качестве агрессии против других государств с использованием методов не Калашникова, а современной валютно-финансовой системы.

Игнорировать это в нынешних условиях было бы преступлением. У нас говорят: «Мужик не перекрестится, пока не грянет гром», и если гром гремит, а мужик не крестится, он просто дурак. Поэтому не предпринимать какие-либо меры в этой ситуации было бы абсолютно безответственным поведением.

Тем не менее, я никогда не говорил и не говорю, что нам надо уйти от расчетов в американской валюте. Но то, что наш товарооборот с Китаем составляет сегодня 90 миллиардов долларов, из которых 40 — экспорт и 50 — импорт, позволяет нам в расчетах с Китаем перейти на расчеты юань/рубль, и для этого у нас есть весь инструментарий. У группы ВТБ есть банк в Шанхае, который в мае начал проводить операции рубль/юань. Наш банк в Москве принимает депозиты и конвертирует юань — рубль. Нет никаких причин платить через Нью-Йорк по расчетам с Китаем по поставке любого вида товара, начиная с газа или военной техники и заканчивая ширпотребом, который появляется на барахолках.

Мне кажется, мы абсолютно недоиспользуем существующие возможности, включая те, что дает СНГ. Расчеты постепенно растут, но их уровень сегодня никак не соответствует уровню экономических взаимоотношений и взаимного проникновения экономик в рамках СНГ или нашего Евразийского партнерства. Поэтому эта задача, с одной стороны, долгосрочная, а с другой — абсолютно реальная. Мое предложение состоит только в том, что сегодня у нас есть инструментарий, и мы должны распределить нашу

внешнеэкономическую деятельность и расчеты по ней в рамках существующих задач и существующей географии. Расчеты с теми странами, которые являются нашими основными торгово-экономическими партнерами, возможно проводить в национальных валютах — с Европой в евро, с Китаем в юанях и так далее. К этому нет никаких непреодолимых препятствий.

Миропорядок после Второй мировой войны отражал сложившуюся на тот момент ситуацию. Европа и Россия были в руинах, а Америка была единственной страной с сильной экономикой. Сначала через механизм Бреттон-Вудской системы, а в 60—70-е годы без золотого паритета, доллар господствует в мире — вплоть до сегодняшнего дня. Но жизнь изменилась, вес экономики и торговли Соединенных Штатов значительно снизился, а роль Китая и стран БРИКС выросла. Не отразить это в системе международных валютно-финансовых расчетов было бы большой ошибкой. Мы начали создавать собственную систему карточных расчетов. Пятнадцатого мая группа ВТБ объединилась с Объединенной расчетной системой. Это примерно треть российских банков, объединенных в единую систему, это 45 тысяч банкоматов, это 50 тысяч точек присутствия в магазинах и других местах, где наши граждане, имеющие российскую карточку, могут обслуживаться, не выходя за пределы Российской Федерации. Это прообраз той национальной платежной системы, которую мы готовы создать. Думаю, это может быть сделано до конца текущего года.

Однако не надо себя обманывать: эта система не позволит нам обеспечивать расчеты наших граждан и платежи за пределами нашей страны на протяжении целого ряда лет, пока мы не сможем утвердить и продвинуть эту систему. Говорят, что всего 5% населения пользуется этими услугами, но для тех 5—7 миллионов наших граждан, которые ими пользуются, это существенно важно. Поэтому надо подходить к вопросу

очень осторожно. Я считаю, что закон, принятый в Думе, был чрезмерным и сейчас создает проблемы и для Правительства, и для Центрального Банка по поводу того, как договориться с Visa и MasterCard, чтобы эти компании остались и функционировали на территории России. Они должны остаться и работать здесь, и не надо здесь впадать в ура-патриотизм.

То же самое по FATCA. Как бы мы ни относились к этому американскому закону, пока мы проводим расчеты в долларах, мы будем вынуждены ему подчиняться. Чем быстрее Госдума примет решение, позволяющее банкам это делать, тем лучше. Так что максимализм здесь неуместен, но необходимо создание собственных национальных и межнациональных институтов, где не было бы доминанты одного государства, Соединенных Штатов. Это может быть сделано и на базе взаимоотношений с Китаем или другими странами, и с участием американцев и европейцев, но на других паритетных началах. Мы обязаны предпринять эти меры, поскольку мир стал другим, и нам придется это делать, хотим мы этого или нет.

Спасибо.

Р. Гринберг:

Большое спасибо, Андрей Леонидович.

Среди нас находится очень авторитетный американский знаток русской политической и экономической сцены профессор Тимоти Колтон. Мы с ним хорошо знакомы: десять лет назад он устраивал круглый стол в Гарвардском университете, где я в своем выступлении говорил о том, почему американцы так боятся любой интеграционной затеи на постсоветском пространстве, даже самой технической — это было удивительно. Все это воспринималось как восстановление пресловутого «русского империализма». Прошло десять лет, и этот страх только усилился. Тимоти, что Вы думаете по этому вопросу? Что думают в Америке по поводу перспективности постсоветской интеграции?

Т. Колтон:

Поскольку это международный форум, с Вашего разрешения, я буду говорить по-английски.

Р. Гринберг:

Имеете право.

T. Colton:

Well, first of all I do not think it is realistic to speak about America as if it were one thing. There is of course the United States Government, which changes hands every four years or every eight years, so the people who were in charge a decade ago are no longer in charge.

I think on this particular question, it is true that the United States State Department has expressed scepticism about the economic benefits of projects like the Eurasian Union. So this has been around for a while, and it is probably going to linger. As far as specialists are concerned, I think people are much more open-minded. I do not work for the United States Government, and I do not speak for the United States Government. I think what we have been trying to do since things got serious – so ten years ago it was more talk about integration, now there is a project afoot as we all know here, the Customs Union is becoming something more ambitious – and the first thing for somebody like me, and my students and colleagues to do, is to understand what difference it makes and to judge by the results. I think that is the main thing.

The early indications – and we rely here very heavily on Russian expertise – of the difference that a customs union makes are actually very inconclusive. It is early in the story. It is not clear that this has actually been economically beneficial to the partners so far, but we are only several years into the experiment. I think,

Mr. Greenberg, you exaggerate to some extent the monolithic nature of the American position on this. I think most of us are much more open-minded.

The other point I would make, and several colleagues have already made this point in their presentations, is that it is very hard here to disentangle the economics from the politics, and culture as well, and this is not unique to the Eurasian Union project. I think this is the case with many of the economic integration efforts that we have seen in the world since 1945. Why was the European Community, which became the European Union in the 1990s, founded in the first place? I think one of our speakers has already pointed out the great importance of politics and the determination to avoid warfare, which had divided and destroyed Europe in the first half of the twentieth century.

All of us have seen the remarkable crisis of the euro, the common European currency, in the last three or four years. Well, let us remind ourselves, why did the euro come into being in the first place? Essentially for political reasons. It was agreed that there would be a common European currency when Germany was reunified in 1990; this was part of the deal, part of the bargain, so that the German Deutschmark would not dominate the other currencies of Europe. It turned out that the euro project was politically well grounded, but economically very poorly grounded, and so it ran into this very grave crisis several years ago, from which it is slowly emerging.

So as far as the future of the Eurasian integration project is concerned, I think it is going to depend not just on the economics of it, the rates of growth, and the distributive effect. These are going to matter of course, but there is also a political side to this, and I think that applies to the American position as well. Politics is something that we have to live with and it is contested. It is a process that goes on, and I think we learn from our mistakes sometimes. The United States has made a few mistakes in its foreign policy, Russia has made a few mistakes, but in order to make the world a better place, we have to learn from those mistakes and learn from experience and look to the future. That would be my attitude.

Р. Гринберг:

Спасибо, Тимоти. Возможно, мы еще вернемся к Вашим замечаниям.

Я бы хотел предоставить слово Франку Шауффу, руководителю Ассоциации европейского бизнеса в России. Неделю назад я был в Берлине, где были и господин Якунин, и Александр Рар, который, к сожалению, не смог сегодня помогать мне в качестве модератора из-за возвращения геополитики в ее самом отвратительном виде. Он долго держался, но вынужден был следовать общей линии. Господин Шауфф, принято считать, что Европа не является самостоятельной во внешнеполитических делах вообще и особенно в вопросах нашей интеграции на постсоветском пространстве. Удовлетворите мое любопытство: это правда или неправда? Европейский Союз действительно несамостоятелен, или есть какие-то другие причины?

F. Schauff:

Thank you very much for the provocative question. I am in a position which does not make it so easy to accept your provocation, but certainly, representing European businesses here in Russia, my first duty is to represent business interests, not to make political comments. But as I am representing an association of European businesses, I certainly also have to say that in my capacity, I am representing European interests, and doing that in a country like Russia might already be an indication that the European Union nowadays is pretty much independent in terms of its foreign policy.

Perhaps I can also make some remarks on the question of the panel here, with regards to integration in the CIS area. First, from our point of view – and I think nobody in Berlin or Brussels or wherever will dispute this because it would be very strange to do that – integration is legitimate. So integration in the CIS area, in the CIS region is also legitimate. The more so, since if you compare Russia and the other participating countries in terms of GDP, in terms of population, I am

certainly not talking about territory here, then they are too light in the international global competition between different regions like the EU, like NAFTA, and so on and so on. It is absolutely correct to take the path of integration between these states on a voluntary basis.

This criticism has already been made here and sometimes it is a little bit contradictory; that is, the issue of whether the European Union was a political project at the beginning or not, and what has come out of it is more of an economic integration. It is certainly true that the European Union, or the European Community at the time it was founded in the 1950s, was first and foremost a political project, but what you also have to keep in mind is that before the Second World War, certainly, the trade and economic interaction between the countries participating in the European Community was rather intense.

What can the participants of an integration project in this area, in the CIS area, learn from the European experience on a global basis? I think one important thing – and I am a historian by education so do not take this literally – is to forget about your history. I mean it is not about settling accounts which were started 500 years ago, as the Europeans did; certainly you have to, to a certain degree, ignore what has happened in the past.

Second, I would say you have to integrate voluntarily, you have to integrate yourself in parallel – and it is a pretty difficult transaction – with the global economy. What is very important, and I think that this is a process which the countries have to go through and learn a lot here, is to delegate parts of your national sovereignty to a higher level, and the euro, which has already been mentioned, is certainly a very good example of delegating sovereignty to a higher level as we have it in the European Union.

Another point: it is correct to integrate yourself in the CIS sector, in the CIS region, but you also, I think, have to look at the broader picture, because if you look at the economic exchange between the countries participating, it is relatively small. For example, if you look at the Russian economic exchange with the rest

of the world, then certainly the exchange with the European Union to date is extremely important, and this certainly should also be kept in mind for the future. In terms of the economic exchange with the European Union, ideally, I hope that the difficulties we are seeing now are going to be forgotten in a year or two, at least, that the European Union and Russia, and also the other partners of the Customs Union and the integration process, should continue their cooperation and even increase their cooperation. It was the president of this country who, two or three years ago, wrote a big article in a German newspaper about a free trade zone from Lisbon to Vladivostok, and I think this is the ideal version of the future, not only within the CIS region, but also between the European Union and the CIS region which is integrating currently. Thank you very much.

Р. Гринберг:

Большое спасибо.

У нас есть еще два очень важных спикера, представляющих страны Таможенного союза. Это заместитель министра экономики Республики Беларусь Антон Эдмундович Кудасов и председатель Форума предпринимателей Казахстана Раимбек Анварович Баталов. Затем мы предоставим слово Игорю Ивановичу Шувалову, после чего зададим вопросы выступающим.

А. Кудасов:

Спасибо, господин председатель.

С точки зрения эксперта-переговорщика, который занимается торговыми переговорами в рамках СНГ около двадцати лет, я бы хотел сказать две вещи.

Первая касается не столько торговой повестки дня. Как вы знаете, Белоруссия столкнулась с международными политически мотивированными санкциями в 1996 году, то есть скоро будет двадцать лет, как мы находимся

в этом состоянии. Достаточно убедительно видно, что это не помешало нам создать сильную и конкурентоспособную экономику. Я бы хотел вас заверить, что все эти двадцать лет мы как государство никак не подстраивали наши политические и экономические институты под некие обстоятельства, санкции или другие внешние факторы.

В этой связи я бы призвал не переоценивать санкции и не создавать из них какой-то этап мировой истории. Если великая и близкая нам, как никто другой, Россия будет пересматривать основы своей политики под влиянием обстоятельств внешнего порядка, это вызовет у меня, как специалиста, определенное беспокойство. Есть некие категорические императивы развития государства и развития экономики, из которых нужно исходить в любой ситуации.

Я хотел сказать следующее: какой опыт мы как государство извлекли из этих санкций? В международной интеграции и, прежде всего, во Всемирной торговой организации, в девяностые годы сложилась такая обстановка, что драйвером развития этих структур является не бизнес, а правительства. Это большая беда: ВТО и ее предшественник ГАТТ были успешными до девяностых годов, потому что драйвером развития этих организаций был бизнес. Многолетние торговые переговоры носили сугубо практический характер. Страны договаривались о том, какие нужно продвигать друг другу товары, услуги, правила. Это ни в коем случае не был политически мотивированный процесс.

В конце девяностых годов мы впервые услышали от ВТО, что их не устраивает наше государственное устройство и наша политика, поэтому они не будут вести с нами торговые переговоры. Естественно, мы сделали из этого определенные выводы.

Теперь я перехожу к своему второму тезису. Какие выводы из этого должно сделать СНГ? Драйвером экономической повестки СНГ должен быть бизнес, а не правительство. Нужен выбор модели дальнейшего развития в

плане экономической интеграции. Я не думаю, что концепция «четыре свободы», выработанная около пятидесяти лет назад — свобода товаров, услуг, капиталов, рабочей силы — сегодня смотрится очень современно. В экономике есть более практичные вещи, которые могли бы быстро дать определенный эффект. Например, вот что приходит в голову: в сфере промышленной политики страны СНГ могли бы через представителей государства в промышленных корпорациях скорректировать инвестпрограммы этих корпораций, с тем чтобы нарастить закупки друг у друга технологического оборудования, прежде всего инновационной продукции, процентов на пять—десять в год. Такие простые, практичные вещи не связаны с какими-то громкими лозунгами. Зона свободной торговли товарами, слава богу, работает, и это надо беречь. СНГ занимается разработкой соглашения по услугам. Мне кажется, надо больше покреативить, чтобы найти для себя и для СНГ конкретную нишу в повестке дня.

Я говорю о промышленной политике, потому что мы активно занимаемся этой темой и с интересом и надеждой наблюдаем за ситуацией, потому что и в России впервые за много лет сейчас разрабатывается соответствующий закон о промышленной политике. Мы считаем, что это одна из ниш, одна из платформ для работы СНГ, на которой можно успешно развиваться при условии наличия соответствующих договоров.

Большое спасибо.

Р. Гринберг:

Спасибо.

Прежде чем выступит председатель Форума предпринимателей Казахстана Раимбек Анварович Баталов, я должен признаться, что совершил очень большую политическую ошибку. Только вчера мы заключили соглашение — меморандум о дальнейшем сотрудничестве с Евразийским банком

развития, а сегодня я упустил из виду, что Председатель правления этого банка господин Финогенов тоже находится среди нас и тоже выступит. Надеюсь, это не будет иметь серьезных последствий.

Итак, выступит Раимбек Анварович, а потом Игорь Валентинович.

Р. Баталов:

Руслан Семенович, я готов уступить место Игорю Валентиновичу.

Благодарю Вас за предоставленное слово. Мне кажется, не стоит говорить об очевидных преимуществах экономической интеграции. Понятно, что рынок более 170 миллионов более выгоден, нежели рынок одного Казахстана — 17 миллионов. Как уже говорилось, драйвером интеграции действительно должен быть бизнес. Хочу подчеркнуть, что в Казахстане именно так и происходит. Именно бизнес заинтересован в интеграции, причем на взаимовыгодных условиях. В Казахстане сегодня есть практика государственно-частного партнерства, когда общественные объединения в лице Национальной палаты в Казахстане очень тесно работают с нашим Правительством. Мы очень тесно работаем с Евразийской экономической комиссией, очень тесно работаем в рамках консультативных комитетов, которые созданы при Комиссии.

Работа идет очень непростая, потому что возраст и опыт этой достаточно плотной интеграции еще очень мал. Тем не менее, мы сделали очень важное. В первую очередь, политики создали конструкцию, которая на сегодняшний день является конструкцией равных партнеров, и это очень важная и базовая конструкция. Второй момент связан с тем, что нам еще очень много предстоит сделать с точки зрения интеграции разного характера, включая интеграцию статистики, потому что на общем рынке мы должны стоять вместе, одинаково понимая состояние экономики, состояние в отраслях и состояние в регионах. Очень важно, чтобы были выработаны общие ключевые показатели отраслей и регионов и общие подходы к

получению этой информации. Очень важно, чтобы эта информация была правдивой. Тогда мы сможем делать очень эффективные выводы и разрабатывать очень эффективные подходы для развития наших экономик, причем развития их, подчеркиваю, на взаимовыгодных условиях, потому что иначе интеграция будет спотыкаться о те или иные проблемы.

Это важно для нас не только с точки зрения внутреннего евразийского рынка, но и для интеграции в Азию. В рамках Делового совета Шанхайской организации сотрудничества, который я представляю, мы уже порядка двадцати лет работаем с Китаем. Я также веду бизнес с Китаем, у нас есть там производство, которое работает около семи лет. Ведение бизнеса в Китае пока более удобное, чем ведение бизнеса в Таможенном союзе. Нам есть к чему стремиться, у нас есть вопросы, которые необходимо решать. Нужна такая конструкция государственно-частного партнерства, в которой мы действительно прислушиваемся к бизнесу и не тратим время на какие-то отдельные выводы, а берем по-настоящему лучшую практику. Я считаю, что у нас очень мало времени для создания своей внутренней эффективной интеграции и дальнейшей интеграции с Шанхайской организацией сотрудничества и с другими странами. Спасибо.

Р. Гринберг:

Большое спасибо. У нас осталось два Игоря: Игорь Валентинович Финогенов, а затем Игорь Иванович Шувалов.

И. Финогенов:

Большое спасибо, Руслан Семенович.

Действительно, вчера мы подписали меморандум с Институтом экономики Российской Академии наук, поскольку в нашем Банке развита аналитическая часть. К этому аспекту я и хотел бы сейчас обратиться.

Профессор Колтон сказал, что у него и его коллег пока нет достаточной информации, чтобы оценить экономический эффект Таможенного союза и формирующегося Евразийского экономического союза. Хочу сказать, что у нас такая информация есть, мы эту информацию собираем. У нас есть специализированные издания, например «Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ», в котором мы анализируем реальную систему движения капиталов и товаров и изучаем те процессы, которые происходят в связи с созданием единого рынка и снятием таможенных барьеров.

Я не могу не согласиться с Президентом Казахстана Назарбаевым, который сказал в своем последнем выступлении в Московском государственном университете о том, что он видит в этом интеграционном проекте способ снизить риски для экономик стран-участниц за счет открытости и повышения конкурентоспособности. Думаю, это действительно так.

Но предстоит большая работа, и есть трудности, которые мы видим на цифрах. Мы видим, что в последние годы прекратился рост взаимных инвестиций. Возможно, это связано с кризисными явлениями, но, тем не менее, тенденция тревожная. Формирование Таможенного союза не дало импульса для взаимных инвестиций, что требует анализа. На наш взгляд, должна происходить интеграция снизу, то есть за счет того, что бизнес, в том числе малый и средний, чувствует открытие новых рынков.

Заслуживает развития идея трансграничных компаний и холдингов, которые имеют переплетенные активы в странах Евразийского экономического союза и опираются на промышленную и научную кооперацию. Есть много отраслей, которые могли бы создать действительно серьезные международные, трансграничные компании. По нашему анализу, помимо нефтегазового комплекса, есть десять—двенадцать отраслей, где возможно создание таких компаний.

Как я уже сказал, очень важна реальная интеграция снизу: рост взаимной торговли, трансграничных инвестиций, цивилизованной трудовой миграции.

Я уверен, что эти вопросы будут решены, но предстоит большая работа, включая анализ того, что нам мешает достигать тех эффектов, которые мы заложили в период реализации идеи создания Таможенного союза и экономического пространства.

Думаю, что подписание договора о Евразийском экономическом союзе делает крупный, решительный шаг в деле евразийской интеграции, которая будет давать эффект для граждан стран-участниц, для конкретных людей.

Спасибо.

Р. Гринберг:

Спасибо.

Игорь Иванович Шувалов, первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, Вам слово. Последние десять лет я задаюсь таким вопросом: мне кажется, что российское правительство не ставит своим приоритетом интеграционную тематику. Ошибаюсь я или нет? Мне кажется, Россия должна быть более щедрой и заниматься этим более активно, но я могу ошибаться.

И. Шувалов:

Доброе утро. Во-первых, позвольте мне поприветствовать Юрия Анатольевича Бойко, который присутствует в этом зале. Он долгое время работал в Правительстве Украины и занимался, в том числе, нашим совместным проектом по интеграции и зоной свободной торговли по СНГ. Я понимаю, что в нынешних условиях ему было очень сложно пробраться сюда — насколько я знаю, в рамках Форума сейчас мало представителей Украины. Спасибо, что Вы приехали.

На самом деле, наша интеграционная повестка до 2008 года была немного иной. До 2008 года приоритетами для российского правительства было развитие более тесных отношений внутри СНГ на двусторонней основе,

однако с 2004—2005 года основной внутренней установкой стала цель построения общего экономического пространства с Европейским Союзом. Причем риторика была одна, а внутренняя установка и вся работа Министерства экономического развития строилась по двум трекам: главное — это завершение переговоров по вступлению в ВТО и формирование общего экономического пространства с Европейским Союзом.

Те, кто извне следит за интеграционным процессом, не очень правильно представляют себе, как это происходило. Истинным сторонником интеграции и основополагателем и продвигателем всех принципов является Президент Казахстана. Эти слова не просто дань какой-то моде — все действительно было так. В 1994 году он выступил в Московском университете с речью, и я нашел эту речь в 2008 году, когда меня вызвал Президент Медведев и сказал: с сегодняшнего дня мы вам поручаем (как раз проходила их двухсторонняя встреча с Президентом Назарбаевым) в кратчайшие сроки — за год — создать Таможенный союз. В Правительстве мы начали работать только с мая 2008 года, у нас есть своя повестка — это еще до событий в августе. Я понимал, что это все равно что срочно подготовиться к вылету в космос. Я выслушал и подумал, что это просто какое-то дежурное представление проекта. Затем в Москве я позвонил Президенту Медведеву и спросил: «Дмитрий Анатольевич, что Вы имели в виду?» И он рассказал мне, что действительно нужно за один год подготовить все необходимые документы по формированию настоящего таможенного союза. Я ответил, что мне это кажется практически нереализуемой задачей, а он сказал: «Делайте что хотите, берите любой ресурс и начинайте серьезную работу с белорусскими и казахстанскими партнерами. На это все у вас один год».

Серьезная установка на формирование Таможенного союза и этой интеграции пошла с 2008 года. До этого была попытка, когда на четверых были подписаны все документы по формированию общего экономического

пространства. Украина тогда участвовала и в подготовке всех необходимых документов, и в подписании договоров. Однако Президент Кучма, подписывая договоры, сделал соответствующие оговорки в части непротиворечия Конституции Украины, и все поняли, что до конца дело не дойдет. Проект приостановился. Его новая жизнь началась с 2008 года.

Мы провели очень большую работу и быстро запустили Таможенный союз. Когда мы готовили Таможенный союз, мы работали с партнерами и исследовали, каким образом формировался Европейский Союз. Мы серьезно изучали всю их предыдущую работу на протяжении десятилетий: как все трансформировалось, какие этапы они проходили. Один из принципов, на котором строится развитие Европейского Союза, состоит в постоянном поиске новой интеграционной цели. То есть они никогда не останавливаются: еще не добившись заявленного на предыдущем этапе, они ставят впереди новый этап, объявляют о нем и таким образом все время двигают свою интеграцию вперед. Кстати, стремление Украины, Молдовы и других государств к ассоциированному членству, помимо политических целей, которые я не хочу исследовать, это не моя работа, — это продолжение той практики разворачивания возможностей на новом пространстве: новые рынки, новые амбиции, которые они должны постоянно продвигать. Здесь они встретились с интересом уже формирующегося Евразийского экономического союза, которому нужен свой рынок, и этот рынок должен быть более 200 миллионов человек. Конечно же, истинная основа формирования этого союза — это экономические цели. Когда уже были подписаны или подписывались все необходимые документы по формированию Таможенного союза, лидерами было признано целесообразным объявить о формировании в будущем Евразийского экономического союза.

Шла дискуссия о том, объявят ли президенты трех стран о формировании Евразийского союза или Евразийского экономического союза. В результате

пришлось объявить о формировании Евразийского экономического союза, потому что некоторые участники этого объединения не хотели посылать никаких сигналов о том, что формируется некое новое государство или такое же сильное и мощное объединение, как Европейский Союз, включая формы валютного союза. Таких сигналов никто не хотел посылать. Хотелось сначала завершить переход к полному Таможенному союзу без изъятий, сформировать единое экономическое пространство, наполненное новыми свободами, а потом на каком-то будущем этапе, когда все увидят, что никаких квазиимперских амбиций у Российской Федерации нет, можно будет объявлять о новых целях и переходить к ним.

Те, кто вообще не разбирается в том, что мы производим и что происходит на самом деле, говорят о том, что Россия пытается что-то реанимировать. Но послушайте: Россия занимает в этом объединении почти 85% совокупного ВВП. При этом Россия уступила, и все вопросы внутри нашего объединения решаются правилом консенсуса. Правило консенсуса работает у нас практически по всем вопросам. Еще несколько лет назад этого невозможно было себе представить: когда мы первоначально исследовали документы и договоренности, везде должно было быть предусмотрено взвешенное голосование, и Россия, как самая крупная экономика, должна была иметь определенный приоритет. Но Российская Федерация отказалась от всего этого, и мы пошли на существенные уступки, предоставив всем, вне зависимости от размера экономики, равные права по управлению и принятию решений.

На Западе действительно боятся любого интеграционного объединения, но при этом самый лучший пример интеграции — это Европейский Союз. Есть интеграционные объединения в Латинской Америке. Соединенные Штаты Америки исследуют этот предмет и формируют соответствующие зоны свободной торговли — у них более тесные экономические связи с Мексикой, Канадой и так далее. Сложилась очень странная ситуация: Соединенные

Штаты Америки считают, что у них есть определенные стратегические национальные цели, и все, кто выступает против этих целей, являются врагами. Почему нашу истинную цель по экономической интеграции на постсоветском пространстве, направленную на то, чтобы мы стали богаче и экономически сильнее, они воспринимают как нечто, что нам чуждо и с чем они обязаны бороться? Вообще-то это наша стратегическая цель. По большому счету, всем тем, кто хочет вступить в Евразийский экономический союз, нужно сформировать такое отношение, что все те, кто выступает против этой цели, не наши друзья или партнеры, а разрушители основ нашей экономической мощи. А основа экономической мощи России, Казахстана и Белоруссии — это формирование экономики, основанной на интеграционных процессах.

Нам все время говорят, что мы кого-то подталкиваем к вхождению в Таможенный союз или Евразийский союз. Но спросите у Армении или Киргизии: мы их подталкиваем или они нас подталкивают? Например, работая с армянскими партнерами, мы все время чувствуем давление с их стороны. Не мы подталкиваем Армению, а Армения говорит: «Когда уже вы закончите весь процесс и дадите нам возможность стать полноценными членами?» Это будет очень хорошо: несмотря на очень сложную ситуацию, Армении удалось построить открытую экономику, и нам, государствам-членам Таможенного союза, есть чему у нее поучиться в отношении институтов. У Киргизии тоже есть определенные слабые и сильные стороны, и мы надеемся, что объединение в Евразийском союзе даст ей больше возможностей для развития.

Что касается других членов, вы знаете, что мы вели серьезные переговоры с Украиной. Мы с Юрием Анатольевичем работали — каждый в своем правительстве — над тем, чтобы Украина лучше понимала, что представляет из себя создаваемый Евразийский экономический союз. Мы спорили, возможно ли сочетание ассоциированного членства и

формирование зоны свободной торговли Евросоюз — Украина с одновременным членством Украины в Таможенном союзе. Мы считаем, что на тех условиях, на которых был подготовлен договор, это невозможно. Если бы договор был подготовлен на других условиях, может быть, это было бы возможно. Мы хотели, чтобы не было никаких непродуманных решений, чтобы потом Российскую Федерацию обвинили в том, что мы закрываем свою таможенную территорию и не пускаем грузы и товары, произведенные на территории Украины на нашу единую таможенную территорию. Мы хотели глубокого анализа, чтобы никто не пострадал. Может быть, это сейчас прозвучит не очень правдиво из моих уст, но мои товарищи могут это подтвердить: мы исследовали этот предмет только с одной целью — чтобы экономика Украины была сильнее, а не для того, чтобы решить, кто кому притащит или оторвет Украину — либо Запад ее получит, либо мы, в рамках Таможенного союза. Внутри Таможенного союза нам всем нужна была более сильная, стабильная экономика Украинской Республики. Для нас это было крайне важно. Но наши голоса не очень слышали, и в 2010 году Президент и Председатель Правительства отправили меня общаться с Администрацией Президента и Правительством Украины, чтобы разъяснить, что мы делаем, как строится наше интеграционное объединение, как это будет происходить. Знаете, что я слышал? Теперь я могу об этом сказать, потому что те люди уже не работают. Не знаю, могут ли они подтвердить мои слова, но я рассказываю, как это было на самом деле. Они сказали: «Да, мы понимаем, что вы все говорите правильно, что наши экономические цели должны лежать в русле развития отношений с Таможенным союзом и нужно формировать Евразийский союз, но мы так уже раскрутили тему ассоциированного членства с ЕС, что не можем ее остановить. Она уже настолько продвинута среди избирателей и граждан, что просто прийти и представить публично, что вместо этого мы разворачиваемся и идем в другую сторону,

практически невозможно». Поэтому там наблюдался определенный конфликт между реальной экономической ситуацией и тем, что уже было представлено как некая политическая ценность, которую приняли избиратели.

Вернусь к нашему объединению. Я надеюсь, что договор будет подписан, но все-таки он еще не подписан. На будущей неделе президенты собираются в Астане, мы еще проводим финальные зачистки и доработки. Здесь присутствует Алексей Евгеньевич Лихачев, нам с ним и с другими коллегами предстоит работа 28-го числа. Я надеюсь, что президенты подпишут договор, который удастся ратифицировать до конца года. Тогда с 1 января 2015 года мы начнем новый этап интеграции. Он, конечно же, не замкнутый. Во-первых, эта интеграция будет открыта для новых членов. Я не буду сейчас распространяться на тему интеграции с другими объединениями, но могу сказать, что наша главная цель — построить Евразийский экономический союз, который не только имеет общее экономическое пространство с ЕС, но и все более тесно вплетается в ткань Азиатско-Тихоокеанского региона. Только тогда российская экономика будет мощной, и партнеры по Таможенному союзу получат то, что должны получить.

Р. Гринберг:

Большое спасибо, Игорь Иванович. Мы дали Игорю Ивановичу больше времени, но это логично. К тому же, он внушает оптимизм своими речами — и по форме, и по содержанию.

К сожалению, дискуссии у нас не получается. Даже не знаю, чем закончить.

И. Шувалов:

Закончите так: пусть нам перестанут мешать.

Р. Гринберг:

Да, это первое. А второе — надо понимать, что проблема трудная. Ребенок родился, но очень хрупкий, и перед ним очень много разных проблем.

Мне кажется, в целом положение у нас хорошее, небезнадежное.

Я благодарю всех участников и спикеров, которые были очень информативны. Желаю вам всего хорошего.